

Во рту Чжао Наня находилось что-то постороннее. Красный язык был прижат и беспомощно шевелился под чужим инструментом, который сантиметр за сантиметром обследовал полость рта.

— Это яд гу из Наньцзяна.

— Ваше Высочество, взгляните...

Чжао Нань был настолько сонным, что едва соображал. Он ещё не успел закрыть рот, как тот человек дрожащим голосом продолжил:

— Кончик языка княжеского супруга тёмно-красный, у корней зубов появились кровоподтёки...

Перед ним легла тень. Чья-то рука с чётко очерченными суставами протянулась вперёд и стиснула его подбородок.

Чжао Нань приоткрыл глаза. Взгляд скользнул по краю одежды, расшитой узором извивающихся драконов, а затем его губы заставили разомкнуться, обнажая влажную красноту внутри.

Свадебные свечи за занавесью проливали тёплый свет. Сознание Чжао Наня понемногу прояснялось — и вместе с ним стремительно возвращалась боль во всём теле.

Он смутно расслышал сказанное и только теперь понял: под «княжеским супругом» говоривший, похоже, имел в виду именно его.

Фраза была короткой, но каждое слово звучало так, словно он уже одной ногой стоял на дороге в загробный мир.

Чжао Нань побледнел ещё сильнее и от души пожалел собственную несчастную судьбу.

Он глубоко вдохнул и слабо улыбнулся.

— Только не сдавайтесь. Меня ещё можно спасти.

Он с детства рос в Наньцзяне. Возможно, из-за местных обычаев, отличавшихся от столичных, в обеих мочках его ушей покачивались прозрачные нефритовые подвески.

Фу Цзюэчжи опустил длинные ресницы. Его высокая фигура почти растворялась в полумраке. Услышав эти слова, он тихо усмехнулся — непонятно, с каким именно смыслом.

— Иглы.

Тени у постели задвигались.

Чжао Нань лежал на спине, позволяя серебряным иглам входить в акупунктурные точки. И лишь когда частая острая боль распространилась по всему телу, он наконец окончательно принял факт собственного попадания.

Он не умер.

Вместо этого стал... супругом мужчины перед собой.

Память прежнего владельца тела была совершенно пуста, но Чжао Нань — обычный студент,

придерживавшийся принципа «лучше плохо жить, чем хорошо умереть», — в такой момент смертельной опасности переобулся без малейших колебаний.

Он терпел боль и слабость, смотрел в холодные, оценивающие чёрные глаза Фу Цзюэчжи и улыбался чисто и искренне.

— Муж, позови ещё врачей. Пусть меня посмотрят.

Во взгляде Чжао Наня читалась негибкая вера: «Я ещё поживу». Он дрожащей рукой потянулся к Фу Цзюэчжи и с величайшей любовью к собственной жизни добавил:

— Лучше каких-нибудь авторитетных. Чтобы послужной список можно было проверить и чтобы людей спасали так же легко, как дышат.

Он был ещё совсем молод и родился на юге. Кожа была мягкого тёплого оттенка, а в густых чёрных бровях словно проступала лёгкая синеватая дымка.

Чжао Нань.

Наследник из Наньцзяна, прибывший ради брачного союза. В первую же брачную ночь он оказался отравлен гу и теперь балансировал между жизнью и смертью.

На границе Наньцзяна и Дачана постоянно вспыхивали конфликты. Князь Наньмин давно поглядывал на соседей с явными амбициями и для начала войны ему не хватало разве что удобного повода.

Нетрудно было догадаться, кто захочет использовать произошедшее.

Выражение лица Фу Цзюэчжи оставалось непроницаемым. Он наклонился.

Подушечка пальца, покрытая тонкими мозолями, неожиданно скользнула по уху Чжао Наня, на котором неизвестно когда выступила кровь.

Кончик пальца несколько мгновений играл с окровавленной нефритовой подвеской, затем губы Фу Цзюэчжи чуть изогнулись. Палец медленно переместился на боковую сторону шеи Чжао Наня и надавил с силой, не допускавшей сопротивления.

Он улыбнулся.

— Не волнуйся, супруг мой.

— Даже если тебе очень захочется умереть, врачи моей резиденции сумеют протянуть твою жизнь ещё год-другой.

Вторая половина фразы явно содержала скрытый смысл.

У Чжао Наня неприятно ёкнуло сердце. Он попытался понять, что Фу Цзюэчжи имеет в виду, и спросил:

— Мне осталось всего год-два?

В комнате внезапно стало тихо.

Фу Цзюэчжи долго смотрел на него, затем резко убрал руку, развернулся и широкими шагами

вышел за дверь.

Ждавший снаружи приглашённый советник сразу поднял фонарь. Лёгкий ветер тронул полы одежды собравшихся под галереей. В свете огня Фу Цзюэчжи слегка повернул голову и буднично произнёс:

— Следите за ним.

Лоу Чжоу почтительно наклонился. Он уже собирался доложить о делах, когда князь продолжил:

— Снять охрану с книжного павильона. Пусть Чжао Нань ходит по резиденции куда пожелает. Посмотрим, что он сможет устроить.

Фу Цзюэчжи взял влажное полотенце. Красная кровь с его пальцев медленно расплылась по белоснежной ткани.

Голос прозвучал холодно и тихо:

— Но патрули усилить. Из княжеской резиденции не должна вылететь даже одна почтовая голубка.

В следующий раз Чжао Нань проснулся уже после полудня следующего дня.

Солнечный свет проходил сквозь ширму. Перед кроватью стоял евнух. Увидев, что Чжао Нань очнулся, он тут же протянул ему чашку тёплого чая.

— Наконец-то вы проснулись... Где-нибудь ещё плохо, господин?

Чжао Нань кое-как выполз из постели и без сил ответил:

— Мне плохо везде.

Евнух посмотрел на него:

— Болезнь обрушилась слишком резко. На вас лица нет.

Бледный Чжао Нань застенчиво улыбнулся.

«Не то что лица. Я сам почти закончился».

Ломота уже прошла, поэтому он сразу отправился купаться, чтобы окончательно прийти в себя.

Похоже, кто-то заранее распорядился: когда Чжао Нань закончил приводить себя в порядок, слуги уже накрыли обед в беседке у воды.

Он подпёр голову рукой, пытаясь тщательно перебрать в памяти всё, что успел узнать о себе во время купания.

Но стоило поднять глаза, как он столкнулся с необычайно проникновенным взглядом евнуха Фухая.

Тот выглядел так, словно в груди накопились тысячи слов, которые он никак не решался произнести.

Левое веко Чжао Наня дёрнулось.

Очень дурное предчувствие.

Возникло то самое бессилие, будто классный руководитель сейчас отправит тебя — студента, еле наскрёбшего пятьдесят девять баллов на экзамене по профильному предмету, — представлять страну на международном чемпионате.

Чжао Нань вежливо улыбнулся:

— Что случилось? Если у евнуха Фухая какие-то заботы, вы вполне можете оставить их при себе. Необязательно рассказывать мне.

Фухай:

— ...

Он подошёл, чтобы подать Чжао Наню блюда, и со вздохом сказал:

— У князя нет ни жён, ни наложниц, ни близких родственников в резиденции. Поэтому все эти годы мне выпала честь временно заведовать домашними делами.

Чжао Нань осторожно взял палочки.

— И?..

Фухай с улыбкой долил чай:

— В следующем месяце князю исполнится двадцать четыре. На празднование придут посланники соседних государств. Делегация Наньцзяна — вашей родной стороны — тем более не сможет отсутствовать.

— Теперь вы хозяин княжеской резиденции, поэтому список гостей, подготовка подарков, организация банкета...

— По правилам всем этим должны заняться именно вы.

Чжао Нань замолчал на пару секунд.

Он даже не знал, что сказать.

«То есть этим должен заниматься я? Я, который на Новый год не всех родственников узнаёт, на каникулах лишается единственного источника дохода — карманных денег — и даже прежде чем открыть упаковку молока, спрашивает у мамы, можно ли его пить?»

Всё.

Конец.

Он и представить не мог, что после попаданства столкнётся с такой бедой.

Похоже, придётся собраться.

Чжао Нань молча принял решение: через несколько дней он серьёзно поговорит с Фу Цзюэчжи о разводе.

Жаль только, Фухай его страданий совершенно не понимал. Стоя за спиной и обмахивая Чжао Наня круглым веером, он продолжал:

— Вы сейчас ещё слабы. Я пока подготовлю всё, что можно, а когда вам станет лучше, тогда и начнём планировать.

По беседке прошёл прохладный ветерок. Тени лотосов на воде лениво покачнулись.

Чжао Нань молча съел ложку риса и уже хотел отказаться, как Фухай внезапно развернулся и быстрым шагом пошёл навстречу кому-то снаружи.

По каменному мостику в центре пруда приближалась группа людей. Впереди шёл Фу Цзюэчжи.

Он был очень высок. Широкие рукава не скрывали врождённой благородной осанки. Брови взлетали к вискам, глубокие чёрные глаза казались бездонными, а лицо было настолько красивым, что к нему трудно было придраться.

Заметив людей впереди, Фу Цзюэчжи перестал обсуждать дела со спутниками. Он лишь взглянул на Фухая, а затем перевёл глаза на сидящего в беседке Чжао Наня.

Край его тёмно-пурпурного рукава был покрыт грязью и пятнами. Похоже, на ткань брызнула кровь. Она стекала к самому краю тонкой дорожкой, а затем капала в пруд под мостом, распускаясь в воде алым туманом.

Рыбы заматались, устремляясь к каплям.

Под этим взглядом Чжао Нань невольно отодвинулся назад.

Однако Фу Цзюэчжи не прошёл мимо, как обычно.

Высокая фигура, отражавшаяся в воде, внезапно сменила направление.

Чёрные сапоги ступили на каменную дорожку. Шаги звучали отчётливо и размеренно — всё ближе и ближе к беседке.

Чжао Нань нервно облизнул губы. Окровавленный тёмно-пурпурный рукав приближался, и ему на мгновение стало трудно дышать.

Фу Цзюэчжи остановился прямо перед ним. Высокая фигура заслонила полуденное солнце.

— У супруга хороший аппетит.

Он немного наклонился. От него едва заметно пахло кровью. Длинные пальцы небрежно взяли со стола пирожное.

Голос был ровным — ни радости, ни гнева.

— К тому, что случилось прошлой ночью, уже успел привыкнуть?

<http://bllate.org/book/19943/1983917>